

PHILOLOGICAL FIELD/ ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ БАҒЫТ/
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Textology/ Мәтінтану/ Текстология

Article

Женские демонические образы в тюркской мифологии: роль и символика Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш¹

*А.М. Нурбаева^a, Р.К. Жетибай^b, Е.Т. Оспанов^c, А.А. Найманбаев^d

^aКазахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан (E-mail: nurbaeva.aida@bk.ru). *Автор для корреспонденции: nurbaeva.aida@bk.ru

^bКазахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан (E-mail: zhetibayrakymberdi@gmail.com)

^cКазахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан (E-mail: yedilbay.ospan@gmail.com)

ARTICLE INFO

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:
тюркская мифология, демонические женские образы, архетип, ритуал, сакральные функции, эпос, фольклор, хтонические существа, медиаторы между мирами, испытатели героев, шаманские традиции, мифопоэтическая система.

МРНТИ 17.07.41
и 17.07.45

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-128-147>

В статье проводится анализ женских демонических персонажей тюркской мифологии (Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір, Күлдіргіш), обладающих сложной мифопоэтической структурой и выполняющих ритуальные функции. Они выступают как медиаторы между мирами, испытатели героев, хранители сакрального знания и воплощение хтонических сил. Их амбивалентная природа сочетает разрушительные и охранительные аспекты, подчеркивая их лиминальный статус на границе мифологических миров и связь с представлениями о переходных состояниях.

Исследование основано на сравнительно-историческом и структурно-семиотическом методах, позволяющих определить место данных образов в мифологической системе тюркских народов и выявить их архетипические черты. Рассматриваются межкультурные параллели с аналогичными персонажами в других традициях (Баба Яга, Ламия, сирены), что способствует выявлению универсальных мифологических структур. Особое внимание уделяется трансформациям этих персонажей под влиянием шаманских традиций, исламизации, эпической литературы и народных верований, что позволяет проследить их адаптацию к изменяющимся культурным условиям.

Результаты анализа демонстрируют их устойчивость в мифопоэтической традиции и актуальность в современных фольклорных и медийных дискурсах. Их участие в ритуальных

¹ Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ғылыми және (немесе) ғылыми-техникалық жобалар бойынша гранттық қаржыландыру есебінен жүзеге асырылды (AP23490584 Түркі халықтары әдебиетіндегі «Ояну дәуірінің» жырлану ерекшелігі (XIX ғасырдың соңы мен XXX ғасырдың басы))»

практиках, таких, как инициационные обряды, магические ритуалы защиты и изгнания злых духов, свидетельствует о глубоком символическом значении этих персонажей. Они продолжают функционировать как элементы коллективного мифологического сознания, отражая сакральные представления о женском начале, персонифицируя страхи и надежды, связанные с потусторонним миром.

В современных нарративах данные образы продолжают выполнять функции символов сакрального и профанного, порядка и хаоса. Их интерпретация в массовой культуре и адаптация в новых художественных контекстах показывают, что они сохраняют связь с древними традициями, оставаясь актуальными в условиях изменяющейся социокультурной среды. Они находят новое воплощение в кино, литературе, интернет-фольклоре, где продолжают выполнять функцию носителей сакрального знания, испытателей героев и проводников между мирами.

Дополнительно рассматривается их влияние на формирование женских образов в современной популярной культуре, включая фэнтези-литературу, кинематограф и видеоигры. Их функции трансформируются в зависимости от культурного контекста, но архетипическая сущность остается неизменной. Это подтверждает их роль в коллективном бессознательном, устойчивость традиционных мифологических конструкций и их значимость для культурной идентичности тюркских народов.

***А.М. Нурбаева^a**

^aАбай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: nurbaeva.aida@bk.ru)

*Байланыс үшін автор: nurbaeva.aida@bk.ru

Р.Қ. Жетібай^b

^bАбай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: zhetibayrakymberdi@gmail.com)

Е.Т. Оспанов^c

^cАбай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: yedilbay.ospan@gmail.com)

А.А. Найманбаев^d

^dАбай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: almaz-88.80@mail.ru)

Түркі мифологиясындағы демондық әйел бейнелері: Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнақ, Мыстан кемпір және Күлдіргіштің рөлі мен символикасы

Аннотация. Бұл мақалада түркі мифологиясындағы әйел жынысты демонологиялық кейіпкерлер (Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнақ, Мыстан кемпір, Күлдіргіш)

Received 06 April 2025. Revised 23 April 2025. Accepted 05 May 2025. Available online 30 June 2025.

Для цитирования: А.М. Нурбаева, Р.К. Жетібай, Е.Т. Оспанов, А.А. Найманбаев Женские демонические образы в тюркской мифологии: роль и символика Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнақ, Мыстан кемпір и Күлдіргіш // Turkic Studies Journal. 2025. Т. 7. № 2. С. 128-147. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-128-147>

For citation: A.M. Nurbayeva, R.K. Zhetibay, Y.T. Ospanov, A.A. Naimanbayev Female demonic figures in Turkic mythology: the role and symbolism of Zhalmauыз Kempir, Albasty, Zheztynakh, Mystan Kempir, and Kuldyrgysh // Turkic Studies Journal. 2025. Vol. 7. No 2. P. 128-147. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-128-147>

талданады. Бұл бейнелер күрделі мифопоэтикалық құрылымға ие болып, маңызды ғұрыптық қызметтерді атқарады. Олар әлемдер арасындағы медиаторлар, батырларды сынаушылар, қасиетті білімнің сақтаушылары және хтоникалық күштердің көрінісі ретінде сипатталады. Олардың амбивалентті табиғаты деструктивті және қорғаушы аспектілерді біріктіріп, мифологиялық кеңістіктің шекарасындағы лиминалды мәртебесін және өтпелі күйлермен байланысын айқындайды.

Зерттеу салыстырмалы-тарихи және құрылымдық-семиотикалық әдістерге негізделген, бұл кейіпкерлердің түркі халықтарының мифологиялық жүйесіндегі орнын анықтауға және олардың архетиптік ерекшеліктерін саралауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар олардың басқа мәдениеттердегі (Баба Яга, Ламия, сиреналар) ұқсас бейнелермен типологиялық параллельдері қарастырылады, бұл әмбебап мифологиялық құрылымдарды анықтауға көмектеседі. Бұл персонаждардың шамандық дәстүрлер, исламдану үдерісі, эпикалық әдебиет және халықтық нанымдар ықпалымен трансформациясына ерекше назар аударылады, бұл олардың өзгермелі мәдени жағдайларға бейімделу механизмдерін анықтауға мүмкіндік береді.

Талдау нәтижелері бұл кейіпкерлердің мифопоэтикалық дәстүрдегі орныққан рөлін және олардың қазіргі фольклорлық және медиалық дискурстардағы өзектілігін көрсетеді. Олар инициация рәсімдері, қорғаныстық ғұрыптар және жын-перілерден аластау дәстүрлері сияқты мифологиялық тәжірибелердің ажырамас бөлігі болып қала береді. Сонымен қатар бұл кейіпкерлер ұжымдық мифологиялық сананың маңызды элементтері ретінде әйелдік бастаулар туралы киелі түсініктерді бейнелейді, сондай-ақ, о дүние мен тіршілік әлемі арасындағы шекараны анықтайтын күш ретінде көрінеді.

Қазіргі заманғы нарративтерде бұл бейнелер қасиеттілік пен қарабайырлық, тәртіп пен бейберекетсіздік арасындағы символикалық көпір рөлін атқарады. Кино, әдебиет, интернет-фольклор салаларында қайта жаңғыруы олардың дәстүрлі архетиптік мәнін сақтап, жаңа мәдени контекстерге бейімделгенін көрсетеді. Бұл демонологиялық бейнелердің фэнтези жанрындағы, кинематографтағы және заманауи әдебиеттегі әйел кейіпкерлеріне ықпалы қарастырылады.

Олардың функциялары мәдени контекстке байланысты өзгергенімен, бастапқы мифологиялық мәні сақталады. Бұл олардың ұжымдық бейсанадағы, рөлін, дәстүрлі мифологиялық құрылымдардың тұрақтылығын және олардың түркі халықтарының мәдени бірегейлігі үшін маңыздылығын көрсетеді. Сонымен қатар олардың бейнелері заманауи өнерде, көркем әдебиетте, анимацияда және компьютерлік ойындарда қайта өңделіп, жаңа интерпретациялар арқылы өз рөлдерін сақтап қалуда. Демонологиялық бейнелердің беріктігі олардың мифологиялық дәстүрлердегі маңыздылығын ғана емес, сонымен қатар, олардың адамзат мәдениетінде символдық мәнінің тұрақты болуын айғақтайды.

Кілт сөздер: түркі мифологиясы, демондық әйел бейнелері, архетип, ритуал, сакралды функциялар, эпос, фольклор, хтоникалық жаратылыстар, медиаторлар, қармандарды сынаушылар, шамандық дәстүрлер, мифопоэтикалық жүйе.

*A.M. Nurbayeva^a

^aAbai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan
(E-mail: nurbaeva.aida@bk.ru)

*Corresponding author: nurbaeva.aida@bk.ru

R.K. Zhetibay^b

^d*Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan*
(E-mail: zhetibayrakymberdi@gmail.com)

Y.T. Ospanov^c

^c*Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan*
(E-mail: yedilbay.ospan@gmail.com)

A.A. Naimanbayev^d

^d*Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan*
(E-mail: almaz-88.80@mail.ru)

Female demonic figures in Turkic mythology: the role and symbolism of Zhalmauыз Kempir, Albasty, Zhezyrnakh, Myster Kempir, and Kuldyrgysh

Abstract. This article examines female demonic figures in Turkic mythology, including Zhalmauыз Kempir, Albasty, Zhezyrnakh, Myster Kempir, and Kuldyrgysh. These figures possess a complex mythopoetic structure and perform essential ritualistic functions. They act as mediators between worlds, initiators of heroic trials, guardians of sacred knowledge, and embodiments of chthonic forces. Their ambivalent nature combining both destructive and protective qualities, highlights their liminal status within the mythological space.

The research employs comparative-historical and structural-semiotic methodologies to analyze their roles within the Turkic mythological system and identify typological parallels with similar figures in other traditions (e.g., Baba Yaga, Lamia, and sirens). Special attention is given to the transformations of these figures under the influence of shamanic traditions, Islamization, and epic literature, revealing their adaptability to evolving cultural contexts.

Findings demonstrate the resilience of these figures in mythopoetic traditions and their enduring relevance in contemporary folklore and media discourses. They remain central to mythological practices such as initiation rites ritual, protective rituals, and spirit exorcisms. These figures function as key carriers of collective mythological consciousness, embodying sacred femininity and serving as intermediaries between the human and supernatural realms.

In modern narratives, they continue to symbolize the sacred and the profane, order and chaos. Their interpretation in popular culture and adaptation within contemporary artistic contexts demonstrate their enduring connection to ancient traditions, while affirming their continued relevance within an evolving socio-cultural landscape. These figures assume new forms in cinema, literature, and digital folklore, where they persist as carriers of sacred knowledge, initiators of heroes, and mediators between worlds.

Additionally, the article examines the influence of these figures on the construction of female representations in contemporary popular culture, including fantasy literature, cinema, and video games. While their functions transform according to cultural context, their archetypal essence remains unchanged. This confirms their role within the collective unconscious, the resilience of traditional mythological structures, and their significance for the cultural identity of Turkic peoples.

Keywords: Turkic mythology, demonic female figures, archetype, ritual, sacred functions, epic, folklore, chthonic beings, mediators between worlds, initiators of heroic trials, shamanic traditions, mythopoetic system.

Введение

Фольклор тюркских народов отражает богатую мифологическую традицию, в которой женские демонические образы выступают архетипическими медиаторами между мирами живых и мёртвых. Они воплощают коллективные страхи, сакральные запреты, идеи порядка и хаоса, соединяя деструктивные и сакрально-инициативные функции. Образы ведьм, колдуний и хтонических существ, таких, как Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш, представляют амбивалентную женскую природу – от разрушительницы до хранительницы сакрального знания и испытательницы героев.

Эти персонажи не только фольклорные фигуры, но и значимые культурные символы, отражающие архаические представления о женской магии и социальной организации традиционного общества. Их устойчивое присутствие в эпосах и сказках подчёркивает их важность в мифопоэтической системе, а современные трансформации демонстрируют продолжающееся влияние на коллективное бессознательное.

Анализ семантики и функций данных образов позволяет выявить механизмы сакрализации женского начала и специфику мифологического пространства, где они функционируют. Изучение этих образов способствует реконструкции архаических мифологических систем, выявлению универсальных структур, связанных с ритуальными запретами и гендерной символикой. В этом контексте особое значение имеет интердисциплинарный подход, включающий сравнительно-типологический и семиотический анализ, а также этнографическую реконструкцию ритуалов.

Возрастающий научный интерес к теме подтверждается современными исследованиями, в частности, работой Д.Ф. Хакимзяновой и Р.Н. Сабировой (Хакимзянова, Сабирова, 2019: 47), где рассматриваются образы Албасты, Бичура и Убырлы карчык с точки зрения их морфологии, семантики и ритуальной функции.

Значительное внимание женским демоническим образам уделяется в исследовании У.А. Мусабековой (Мусабекова, 2021: 85), где реконструируются мифологические представления о женском начале в традиционной культуре тюрков, особенно в контексте ритуалов перехода, что подчёркивает их роль сакральных медиаторов.

Работа Н.И. Журакузиева (Журакузиев, 2021: 102) акцентирует внимание на космологической функции таких персонажей, как Албасты и Жалмауыз кемпір, интерпретируя их как медиаторов между мирами и защитников в магико-ритуальных практиках. Новое направление открывает исследование Б.К. Исмагуловой (Исмагулова, 2023: 134), в котором казахские сказки и эпосы анализируются с позиций когнитивной мифологии и структурной антропологии.

Целью данного исследования является комплексный анализ женских демонических образов в тюркской мифологии, их мифопоэтической символики, функционального значения и роли в фольклорных структурах. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить структурные и семантические характеристики женских демонических персонажей в тюркской мифопоэтической системе, выявляя их лексико-семантические вариации в фольклорных текстах;
- провести сравнительный анализ данных персонажей в различных этнокультурных традициях, опираясь на концепцию универсальных мифопоэтических структур;
- сравнить женские демонические образы тюркской мифологии с аналогичными персонажами других этнокультурных традиций;

– исследовать их связь с ритуальными инициациями, сакральными трансгрессиями и гендерными мифологическими концепциями, используя структурно-функциональный метод анализа.

Новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе к изучению женских демонических образов в тюркской мифологии. Применение методов сравнительной мифологии, структурного анализа, культурной антропологии, когнитивной теории и мифопоэтики обеспечивает комплексное осмысление их роли в мифологическом дискурсе.

Таким образом, анализ данных образов не только углубляет понимание мифологических структур, но и раскрывает механизмы сакрализации, гендерной символики и архетипической трансформации в традиционной культуре.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на комплексном анализе фольклорных, мифологических и этнографических источников, отражающих образы демонических женщин в тюркской традиции. В качестве материала использованы тексты устного и письменного народного наследия – мифы, эпосы, шаманские сказания, а также этнографические свидетельства XIX-XX веков и современные полевые данные.

Для выявления структурных особенностей персонажей применяется сравнительный анализ с мифологическими системами индоевропейских, финно-угорских и славянских народов. Это позволяет установить межкультурные параллели, выявить архетипическую устойчивость женских хтонических образов и проследить их трансформации в различных религиозных и культурных контекстах.

Методологическая база включает ряд подходов, обеспечивающих целостное изучение формирования и функционирования демонических женских образов в тюркской мифологии, включая:

– *Историко-типологический метод* позволяет выявить закономерности эволюции данных персонажей в различных этнокультурных традициях, зафиксировать их вариативность и адаптацию в меняющихся религиозных и мировоззренческих условиях, акцентируя внимание на трансформации архетипов.

– *Структурно-семиотический анализ* позволяет исследовать знаковые системы, отражающие ритуальные функции и сакральный статус женских мифологических персонажей. В фокусе внимания – мифопоэтические коды, символика и семантические маркеры, структурирующие оппозиции священного и профанного, жизни и смерти, порядка и хаоса.

– *Компаративный метод* применяется для выявления аналогий между демоническими образами тюркской мифологии и сходными персонажами в других культурных традициях. Он позволяет установить универсальные мифопоэтические структуры, а также проследить трансформации устойчивых мотивов под влиянием религиозных и социокультурных факторов.

– *Гендерный анализ* фокусируется на репрезентации женственности в мифологическом дискурсе. Особое внимание уделяется концептам хтонической женской природы, её связи с ритуалами инициации, архетипами материнства и механизмами социального контроля через фольклорные нарративы.

– *Культурно-антропологический подход* позволяет интерпретировать демонические женские образы сквозь призму их сопряжённости с обрядами, верованиями и

повседневными практиками. Исследуются культурные механизмы сакрализации и мифологизации женской фигуры в этнорелигиозных контекстах.

– *Мифопоэтический анализ* направлен на изучение структурных и семантических характеристик женских демонических персонажей в эпосах и сказаниях. Анализируются их функции в инициационных сюжетах, а также символическая нагрузка в рамках архаичных мифологических моделей.

Для достижения высокой научной достоверности работы использованы фундаментальные исследования в области мифологии, фольклористики и этнографии. В числе ключевых источников значатся труды Б.К. Исмагуловой (Исмагулова, 2023), Н.И. Журакузиева (Журакузиев, 2021), С.А. Каскабасова (Каскабасов, 2017), М.Т. Абдразакова (Абдразаков, 2022), Т.Р. Айткожина (Айткожин, 2021), в которых рассматриваются трансформации мифологических архетипов в контексте этнокультурных процессов и выявляются устойчивые фольклорные мотивы, связанные с женскими хтоническими существами. Исследование также опирается на сравнительно-мифологические концепции К.Г. Юнга (Юнг, 2009), В.Я. Проппа (Пропп, 2001), Дж. Кэмпбелла (Кэмпбелл, 1997) и К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2001), что позволяет интерпретировать образы Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш с точки зрения их архетипического значения, ритуальной функции и структурной организации мифопоэтического дискурса. Применение междисциплинарного подхода позволяет рассмотреть феномен женских демонических персонажей в тюркской мифологии в широком антропологическом, этнолингвистическом и культурно-историческом контексте, выявляя его структурные особенности, ритуально-символическое значение и культурную эволюцию.

Таким образом, представленный исследовательский аппарат обеспечивает многоаспектное и детализированное изучение женских демонических образов в тюркской мифологии, учитывая их историко-культурную динамику, структурные трансформации и межкультурные связи.

Степень изученности темы

Изучение женских демонических образов в тюркской мифологии, таких, как Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш, представляет собой значимое направление современной гуманитарной науки. Их исследование обусловлено необходимостью сохранения культурного наследия, анализа архетипических основ, осмысления гендерных аспектов, проведения межкультурных сравнений мифологических мотивов, а также актуализации их функций в современной культуре и этнографическом контексте. Эти персонажи являются неотъемлемой частью мифопоэтического пространства тюркских народов, отражая архаические представления о мире, природе и человеке. В условиях глобализации их изучение способствует сохранению уникальных элементов традиционной культуры. Значимость данной проблематики подчеркнута в исследованиях Б.К. Исмагуловой (Исмагулова, 2023), М.С. Калиевой (Калиева, 2022) и Д.Т. Жаксылыковой (Жаксылыкова, 2023).

Женские демонические персонажи тесно связаны с архетипическими моделями, описанными К.Г. Юнгом (Юнг, 2009) и Дж. Кэмпбеллом (Кэмпбелл, 1997). Эти образы воплощают универсальные символы – страх, смерть, разрушение, но также защиту, трансформацию и медиативную функцию. Например, Жалмауыз кемпір символизирует не только разрушительное, но и сакрально-мудрое начало, коррелируя с архетипом «старой женщины» в мифологических системах мира.

Гендерная специфика данных персонажей проявляется в их амбивалентности: Мыстан кемпір, выступая ведьмой, может быть также наставницей героя. Это отражает двойственность восприятия женственности в тюркской традиции. Согласно исследованиям Г.С. Ахметовой (Ахметова, 2021: 76), подобные образы формируют устойчивые гендерные стереотипы, влияя на структуру фольклорного дискурса.

Сравнительно-типологический анализ демонстрирует наличие параллелей между тюркскими демоническими образами и персонажами других мифологических систем. Албасты, связанная с водной стихией и одержимостью, имеет черты, сходные с персонажами славянской и монгольской демонологии. Работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов, Топоров, 1974: 210), а также Н. Катанова (Катанов, 1990: 95) подчеркивают методологическую значимость межкультурного анализа для выявления универсальных и уникальных черт мифологических систем.

Современная культура продолжает переосмысливать данные архетипы. Персонаж Жезтырнак, ассоциируемый с опасной, но чарующей женщиной, становится символом как разрушительной силы, так и фемининного сопротивления. Исследования М.Т. Абдразакова (Абдразаков, 2022: 76) и Л.К. Турсуновой (Турсунова, 2021: 180) фиксируют тенденцию к культурной адаптации мифологических образов в литературе, кино и визуальном искусстве.

Этнографические источники подтверждают сакральную функцию женских демонических образов в обрядах инициации, шаманских практиках и охранительных ритуалах. Например, Күлдіргіш ассоциируется с духами природы, участвующими в ритуальных действиях. Этнографические данные, представленные в трудах Л.П. Потапова (Потапов, 1953: 320) и Е. Бекмуханова (Бекмуханов, 2022: 295), подчеркивают важность этих персонажей для реконструкции древних мировоззренческих систем.

Несмотря на значительный вклад в изучение темы, остаются нерешёнными вопросы региональной специфики, историко-социальной обусловленности и современных трансформаций образов. Требуется дальнейший анализ символики и функций персонажей с учётом гендерных, культурных и мифологических теорий.

Таким образом, женские демонические образы в тюркской мифологии являются важными элементами культурного кода, отражающими архетипические, ритуальные и гендерные установки. Их исследование углубляет понимание этнической идентичности и способствует развитию междисциплинарных гуманитарных подходов.

Анализ

Женские демонические персонажи тюркской мифологии представляют собой устойчивые мифопоэтические конструкции, сформировавшиеся в архаический период и сохраняющие релевантность в современных культурных контекстах. Они воплощают ключевые бинарные оппозиции – «сакральное – профанное», «жизнь – смерть», «порядок – хаос», отражая основы традиционного мировоззрения. Анализ образов Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш позволяет раскрыть их семиотические, ритуальные и функциональные характеристики, а также проследить механизмы их адаптации в современной культуре.

Данные персонажи обладают устойчивыми нарративными функциями: чаще всего они выступают как испытатели героя, носители хтонической силы и магической преграды (Пропп, 2001). В отдельных мифологических текстах женские демоны выполняют роль медиаторов между мирами, что сближает их с шаманскими фигурами, обладающими сакральным знанием.

Региональная вариативность образов позволяет проследить трансформацию архетипов под воздействием культурных и религиозных факторов: в казахской и киргизской традициях Албасты ассоциируется с духами болезней, в узбекской – приближается к образу суккуба. В зависимости от контекста они могут быть как деструктивными, так и охранительными фигурами, обладающими сакральной амбивалентностью. Как подчёркивает Т.Р. Айткожин (Айткожин, 2021), эти персонажи выполняют функции испытания и перехода, выступая как медиаторы между онтологическими сферами.

Сравнительный анализ демонстрирует многочисленные параллели с другими мифологиями: Жалмауыз кемпір, аналогичная Бабе-яге, в тюркской мифологии отличается функциональной многозначностью: в киргизских и башкирских сказаниях она нередко выступает наставницей, открывающей герою сакральное знание после прохождения испытаний (Абдразаков, 2022). Жезтырнак, по наблюдению З.А. Наурызбаевой, объединяет черты вампира и фатальной женщины, а её связь с лунными циклами указывает на астральную семантику (Наурызбаева, 2008; Иванов, Топоров, 1974). Мыстан кемпір и Күлдіргіш также обладают амбивалентной природой: они могут быть как инициационными фигурами, так и воплощениями разрушительной магии (Жаксылыкова, 2023). Согласно ритуально-антропологическому подходу, такие персонажи выполняют функции сакральных стражей и медиаторов в обрядах перехода, где их участие символизирует ритуальную смерть и перерождение героя.

Семиотические элементы – когти, волосы, голос, трансформация – выполняют роль мифопоэтических маркеров. Белые волосы Жалмауыз кемпір символизируют её связь со смертью, а способность к трансформации отражает её трансгрессивную природу. Жезтырнак, сочетающая обольстительность и смертельную опасность, воплощает дуализм женского начала – созидательного и разрушительного одновременно. По мнению Т.Р. Айткожина, такие образы структурируют мифопоэтические модели, отражающие архетипические страхи и представления о женской сакральности (Айткожин, 2021).

Одним из наиболее устойчивых и многофункциональных женских демонических образов в тюркской мифологии является *Жалмауыз кемпір*. Она сочетает черты хтонического чудовища, медиатора между мирами и испытательницы героя, олицетворяя сакральную амбивалентность женского начала, его связь с магией, трансгрессией и сакральным знанием. В фольклорных текстах Жалмауыз кемпір выступает не только персонификацией зла, но и фигурой инициации, связанной с переходными ритуалами и символической смертью, ведущей к возрождению.

Этимологический анализ раскрывает глубинную семантику имени. Компонент «жалмауыз» большинством исследователей трактуется как производный от тюркского корня «жалмау» – «глотать», «пожирать», что подчёркивает ненасытную, пожирающую природу персонажа. Это слово также могло фиксироваться в среднетюркских текстах и сказаниях как обозначающее не просто действие, а мифическое существо, поглощающее силу и жизнь. Второй компонент «кемпір» интерпретируется по-разному: Т.Р. Айткожин (Айткожин, 2021) указывает на связь с понятием «кам» (шаман), акцентируя её медиативную функцию как проводницы между мирами. М.Т. Абдразаков (Абдразаков, 2022) предлагает иранское происхождение термина от древнеперсидского «*prīr*» («старец», «наставник»), что подчёркивает её возможную сакральную функцию в доисламский период.

Д.Т. Жаксылыкова (Жаксылыкова, 2023) рассматривает кемпір как фигуру, хранившую сакральные знания и утратившую первоначальную сакральность в ходе демонизации, обусловленной сменой религиозно-мировоззренческой парадигмы.

В эпосе «Алпамыс батыр» Жалмауыз кемпір предстаёт как хтоническая ведьма-людоедка, похищающая детей:

«Жалмауыз кемпір қара түнде келіп, бесіктегі баланы алып кетті» («Жалмауыз кемпір ночью пришла и украла младенца из колыбели») (Қазақ батырлық жырлары, 2000: 78). Эпизод отражает архаичный страх утраты потомства, превращая похищение ребёнка в инициационное испытание родителей.

В описании внешности кемпір отмечаются её хтонические черты:

«Тырнағы қайқы, көзі қызыл, жағы суалған кемпір есік алдында тұрды» («Сгорбленная старуха с загнутыми когтями, красными глазами и впалыми щеками стояла у двери») (Қазақ батырлық жырлары, 2000: 25). Этот образ соотносится с западноевропейскими ведьмами, а также с монстрами античной мифологии, такими, как горгоны и лами.

В эпосе «Құламерген-Жоямерген» кемпір обладает единственным уязвимым местом – глазом на лбу:

«Жоямерген батыр Жалмауыз кемпірдің маңдайындағы жалғыз көзді атып өлтірді» («Жоямерген батыр выстрелил в единственный глаз на лбу Жалмауыз кемпір и убил её») (Құламерген-Жоямерген, 1978: 120). Мотив находит параллели в древнегреческом мифе о Полифеме и образе скандинавского Гримнира. По наблюдению В.В. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов, Топоров, 1974), наличие единственного уязвимого места у чудовища отражает архаичную веру в сосредоточенность его магической силы в одном органе.

В казахской сказке «Күн астындағы Күнікей қыз» кемпір использует мифологический мотив обмана:

«Кемпір сұлу қыз кейпіне еніп, батырды арбамақ болды» («Старуха приняла облик молодой девушки, желая заманить богатыря в ловушку») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 45). Этот приём характерен для многих мифологий, в том числе для греческой (ведьма Кирка) и славянской (оборотни, превращающиеся в женщин).

В эпосе «Ақбузат» кемпір выполняет роль испытательницы, предлагая герою выполнить три сложных задания:

«Кемпір батырға үш шарт қойды: көкке көтеріл, жерге түс, жыланның уын іш» («Кемпір поставила богатырю три условия: взлететь в небо, опуститься под землю, выпить яд змеи» (Ақбузат, 1985: 78). Мотив демонической испытательницы находит параллели в мифах о Геракле и Бабе Яге, где герой должен выполнить сверхъестественные задания. Историко-культурный анализ образа Жалмауыз кемпір позволяет выделить три этапа его трансформации:

1. Шаманский – кемпір как медиатор и дух-хранительница;
2. Матриархальный – мать-испытательница, связанная с обрядами инициации;
3. Исламизированный – демонизация образа и его привязка к хтоническим силам.

Современные интерпретации сохраняют её актуальность: в кино и фольклоре кемпір выступает либо как зловещая фигура, либо как страж мудрости и смелости. Жалмауыз кемпір остаётся архетипом хтонического страха, медиатором и испытательницей, воплощающей сакральную женскую власть, трансгрессию и магическую силу.

Среди ключевых персонажей тюркской демонологии выделяется Албасты – амбивалентное существо, связанное с водой, смертью, болезнями и материнством. В эпосах она выполняет функции граничной хранительницы между жизнью и смертью. По С.А. Каскабасову (Каскабасов, 2017) Б. Абжетову (Абжетов, 2002), Г.А. Турсуновой (Турсунова, 2021) и Е. Бекмуханову (Бекмуханов, 2022), изначально Албасты являлась духом плодородия и воды, позднее трансформировавшись в демоническое существо.

Этимология имени «Албасты» остаётся дискуссионной. Некоторые исследователи предполагают связь с тюркским корнем «ал» («забирать») и компонентом «басты» («дух», «сущность»), что может указывать на функцию похищения душ или детей. Однако такая интерпретация не является общепринятой. Образ Албасты встречается во многих тюркских традициях (в том числе как *албасты*, *альбасу*, *алвасты*, *албас*, *абаасы* и др.), и его фонетические и семантические вариации свидетельствуют о глубокой архаичности и многослойности происхождения. Например, в мифологии якутов аналогом Албасты выступает абаасы – злой дух женского рода, связанный с болезнями и смертью (Иванов, Топоров, 1974: 83). Это требует осторожного подхода при попытках универсализировать этимологию. Выражения «Албастының қолына түсті» и «Албасты басып кетті» указывают на связь с болезнями и нечистой силой. Обитая у водоёмов, она часто изображается как женщина с длинными волосами. В разных регионах её внешний облик варьируется: с вывернутыми ступнями (казахи), открытой спиной (татары), птичьими ногами (азербайджанцы) (Жирмунский, 1979: 410).

Особую угрозу Албасты представляла для рожениц и младенцев. Считалось, что она может задушить женщину во сне, вызывая безумие. По Л.П. Потапову (Потапов, 1953: 320), в тюркской традиции её относили к джиннам. Для защиты использовались амулеты, ножи и узлы.

В эпосе «Алпамыс батыр» Албасты представлена как хтоническое чудовище:

«Албасты қараңғы түнде келіп, баланы ұрлап кетті» (Перевод: «Албасты ночью пришла и украла младенца») (Қазақ батырлық жырлары, 2000: 85). Мотив соотносится с европейскими сказаниями о ведьмах, похищающих детей. В казахской сказке «Албасты мен батыр» она выступает как испытательница героя, объединяющая эротическое искушение, хтонический ужас и магическую власть, сначала являясь в образе прекрасной девушки.

«Сұлулыққа еліткен батыр оның шынайы түрін көрмеді. Тек ұйықтап кеткенде, қыз бірден кемпірге айналды, тырнақтары өсіп, оның тамағына жабысты» (Перевод: «Богатырь, ослепленный красотой, не заметил её истинного облика. Только когда он заснул, девушка мгновенно превратилась в старуху, её когти выросли, и она схватила его за горло») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 175). Эпизод подчёркивает дуализм образа Албасты: она одновременно прекрасна и ужасна, воплощая архетип изменчивой женской хтонической силы.

В сказке она атакует роженицу, символизируя страх перед смертью при родах:

«Кемпірдің көзі жалынданып, денесі ұзарып, мойны созылып, жас келінді өзіне тартты» (Перевод: «Глаза старухи вспыхнули, тело вытянулось, шея удлинилась, и она потянулась к молодой невестке») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 82). Эта сцена напоминает нападения демонов в готической литературе, перекликаясь с мифологическими мотивами разных народов.

В мифологиях разных народов образ Албасты имеет многочисленные параллели. В.М. Жирмунский (Жирмунский, 1979: 410) соотносит её с Ламией в греческой мифологии, суккубами в западноевропейской традиции и Кикиморой славянского фольклора. Таким образом, Албасты предстает как один из ключевых женских демонических персонажей тюркской мифологии, сочетающий хтонические и сакральные черты. Её образ демонстрирует влияние социокультурных и религиозных факторов на эволюцию мифологических структур. В современном фольклоре Албасты сохраняет значение мифопоэтического символа, связанного с границами жизни и смерти.

Одним из центральных хтонических образов казахского фольклора является *Жезтырнак*. В эпосах и сказках она предстает как демонница, соблазнительница и колдунья. В отличие

от Албасты и Жалмауыз кемпір, этот образ воплощает архетипическую двойственность женского начала: обольщение и смертельную угрозу. В повествовательной структуре Жезтырнак сначала появляется в облике прекрасной девушки, затем превращается в существо с медными когтями, символизирующими разрушительную магию и хтонические страхи. Современные исследования тюркского фольклора (Каскабасов, 2017; Абжетов, 2002; Жакып, 2022; Исмагулова, 2023) анализируют основные функции Жезтырнак и её параллели с мифологическими персонажами других культур. Так, Т. Жакып (Жакып, 2022: 74) трактует её как репрезентацию хтонической женственности, сопоставимую с сиренами и ламиями античности. Б. Исмагулова (Исмагулова, 2023: 136) подчёркивает, что этот образ воплощает коллективные страхи, связанные с магией, соблазнением и разрушительной силой.

Этимология «Жезтырнак» («медные когти») подчёркивает её связь с магическим и потусторонним. В тюркской традиции медь символизирует сверхъестественные свойства. А. Кононов (Кононов, 1958: 204) указывает на наличие параллелей с финно-угорскими и славянскими персонажами, связанными с металлами. По В.В. Иванову и В.Н. Топорову (Иванов, Топоров, 1974: 83), когти как символ – характерный атрибут хтонических существ, указывающий на их звериную и нечеловеческую природу.

В казахской сказке «Жезтырнақ және батыр» («Жезтырнак и богатырь») этот персонаж предстаёт как коварная соблазнительница, скрывающая свою истинную природу. Герой встречает девушку необычайной красоты:

«Көздері аспаннан түскен жұлдыздай, шашы дариядай ұзын, жүзі оттай жайнаған» (Перевод: «Её глаза сияли, как звезды, волосы были длинными, как река, лицо сияло, как пламя») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 75). Этот эпизод соотносится с мифами о сиренах и демонических соблазнительницах, таких, как фея Моргана в артуровском цикле. Однако позже герой замечает её когти:

«Жас сұлудың қолында жез тырнақтары жарқырап тұрды, сол кезде батыр шындықты түсінді» (Перевод: «На руках у молодой красавицы сверкали медные когти, и тогда богатырь понял правду») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 78). Этот мотив раскрывает мифопоэтическую структуру обманчивости внешнего облика, распространённую в фольклоре многих народов. Жезтырнак обладает гипнотическим голосом:

«Жезтырнақтың дауысы шыққанда, жануарлар қашып, құстар өліп қалатын» (Перевод: «Когда раздавался голос Жезтырнак, звери убегали, а птицы падали замертво») (Құламерген-Жоямерген, 1978: 200). Мотив Жезтырнак перекликается с образом Лорелеи, чья песня губила моряков. По мнению З.Наурызбаевой (Наурызбаева, 2008: 49), голос Жезтырнак выполняет её хтоническую функцию – разрушение. Литературоведческий анализ выявляет сходство с роковыми женщинами западной традиции и хтоническими ведьмами, что подтверждает универсальность архетипа. В казахском эпосе Жезтырнак символизирует страх, соблазн и сакральное испытание, её поражение – победу порядка над хаосом. Г.С. Ахметова (Ахметова, 2021: 76) подчёркивает медиативную роль Жезтырнак между мирами, что типично и для западных и славянских мифов. Таким образом, этот образ представляет собой многослойную структуру, актуальную в казахской мифологической традиции.

Мыстан кемпір воплощает черты демоницы, ведьмы и наставницы. Она символизирует архетипы женской магии, страха перед старостью и сакрального знания, занимая промежуточное положение между демоном и магическим проводником. Фольклорно-мифологический анализ указывает на её происхождение из образов шаманок и жриц. По мнению К. Турсунова (Турсунов, 2021: 78), исламизация привнесла в её образ

демонические черты. Исследования Т. Жакыпа (Жакып, 2022: 71) и Б. Исмагуловой (Исмагулова, 2023: 134) подтверждают её функцию как антагониста-испытательницы и носителя сакральных знаний.

В казахских сказках её роль варьируется. В «Ер-Тостик» она требует от героя пройти испытания:

«Мыстан кемпір Ер-Тостиктен жеті сынақ талап етті, оларды орындамаса, жолын жауып тастамақ болды» (Перевод: «Мыстан кемпір потребовала от Ер-Тостика пройти семь испытаний, если он их не выполнит, она преградит ему путь») ((Қазақ халық ертегілері, 1985: 90). Это подчёркивает её инициационную функцию, аналогичную фигурам «инициирующих старух» в структуралистских моделях фольклора (Пропп, 1986). В «Карашаш сулу» она предупреждает героиню о грядущей опасности:

«Қарашаш Мыстан кемпірден келер зұлымдықты сезіп, оның айтқандарын орындамады» (Перевод: «Карашаш предвидела злодеяния Мыстан кемпір и не стала выполнять её приказ») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 110). Этот сюжет акцентирует шаманскую роль предостережения: в традициях тюркской мифологии женские духи могли выполнять не только злую, но и инициально-пророческую функцию. В «Аламан и Жоламан» Мыстан кемпір выступает в образе злой ведьмы, однако герой побеждает её с помощью смекалки:

«Мыстан кемпір Жоламанның ақылын сынап, алдап түсірмек болды, бірақ батыр оның зұлымдығын түсініп, оны жеңді» (Перевод: «Мыстан кемпір попыталась обмануть Жоламана и проверить его разум, но богатырь раскрыл её злые намерения и победил её») (Аламан и Жоламан, 1985: 130). Этот сюжет типичен для мотивов героической конфронтации с ведьмой – испытание ума, распространённое и в славянской, и в западноевропейской традиции, где ведьма проверяет смекалку, а не только силу (Пропп, 1928). В эпосе «Огуз-наме» аналогичный персонаж выполняет функцию прорицательницы:

«Мыстан кемпір оғыз батырға жорамал айтып, оның болашағын болжады» (Перевод: «Мыстан кемпір предсказала судьбу Огуз-батыра») (Огуз-наме, 1980: 150).

Сравнительный анализ показывает, что Мыстан кемпір имеет множество аналогов в других мифологиях. По наблюдению Б. Исмагуловой (Исмагулова, 2023: 121), она совмещает функции наставницы и испытательницы, играя ключевую роль в инициации. А. Бакытжанова (Бакытжанова, 2022: 147) подчёркивает, что в доисламский период у тюрков существовал культ женщин-жриц, позже демонизированных, что объясняет двойственную природу персонажа – демонический антагонист и носитель сакральных знаний.

Мыстан кемпір – сложный архетип, сочетающий черты ведьмы, пророчицы, медиатора и хранительницы сакральных тайн. Она воплощает архаические страхи и верования, сохраняя своё значение в казахском фольклоре как страж границ между мирами.

Күлдіргіш – один из наиболее загадочных хтонических образов казахской мифологии, объединяющий черты соблазна, гипноза и смерти. В отличие от других демонов, она убивает не силой, а щекоткой, доводящей до агонии, что сближает её с западными сиренами и славянскими мавками. Как подчёркивают З. Наурызбаева (Наурызбаева, 2008: 150), К. Турсунов (Турсунов, 2021: 78) и А. Бакытжанова (Бакытжанова, 2022: 147), Күлдіргіш символизирует страх перед соблазном и утратой контроля.

Этимология имени Күлдіргіш предположительно восходит к казахскому глаголу күлдіру («заставлять смеяться»), однако данное толкование требует дальнейшего лингвистического обоснования и сравнительно-исторического анализа. Указанная семантика косвенно коррелирует с мифопоэтической функцией персонажа – наведение транса, обольщение и утрата самоконтроля. По мнению Б.К. Исмагуловой

(Исмагулова, 2023: 134), Күлдіргіш связана с древними духами-обольстительницами, испытывающими людей на стойкость.

В фольклоре она предстаёт как девушка с чарующим голосом, заманивающая путников в ловушку с помощью пения и света костра, что подчёркивает её медиативную и смертоносную природу.

В сказке «Күлдіргіш и пастух» герой Ермек встречает её ночью у костра:

«Оның даусы аспандағы бұлттарды толқытқандай, жүрегін ауырлатып, сонымен бірге өзіне тартты» (Перевод: «Её голос заставлял облака колыхаться в небе, он сжимал сердце и одновременно притягивал к себе») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 150). Не сумев устоять, пастух приближается и начинает неконтролируемо смеяться, теряя силы:

«Ол күлкіден тұншығып, демін әрең алып тұрды, ал қыз оны құшақтай түсті» (Перевод: «Он задыхался от смеха, едва мог дышать, а девушка всё крепче его обнимала») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 152). Он осознаёт, что попал в ловушку, но случайно прикасается к железному ножу и выходит из транса. Күлдіргіш исчезает, что подтверждает её магическую природу и уязвимость перед железом, что характерно для борьбы с духами в шаманских традициях.

Сказка «Күлдіргіш и ханский сын» содержит схожий сюжет:

«Күңіренген дауыс желмен бірге естіле түсіп, хан баласы оның соңынан жүрді» (Перевод: «Грустный голос смешался с ветром, и сын хана пошел за ней») (Қазақ халық ертегілері, 1985: 170). Здесь присутствует мотив гипноза, когда жертва теряет контроль и оказывается под полной властью духа.

Сравнительный анализ показывает, что мотив магического воздействия на жертву посредством голоса и гипноза встречается в различных мифологических системах. В германской традиции Никси – водяной дух, обладающий способностью завлекать мужчин своим пением. В славянском фольклоре аналогичную функцию выполняют мавки, заманивающие людей в леса, а в греческой мифологии сирены использовали песни, чтобы завлекать моряков. Однако отличие Күлдіргіш от этих персонажей заключается в её уникальном методе убийства – через смех, что делает её более редким и самобытным персонажем. В эпосе «Коркыт ата» встречается мотив магического смеха, но он связан со страхом перед смертью, тогда как Күлдіргіш олицетворяет искушение и наказание за слабость (Коркыт ата, 1978: 200).

Таким образом, күлдіргіш – символ пограничного состояния между жизнью и смертью, хтонических сил и магии обольщения. В отличие от других демонических образов, она воздействует не физически, а психологически, доводя жертву до гибели через смех и утрату самоконтроля. Её функция – испытание воли, что делает образ уникальным в тюркской мифологической традиции.

Полученные результаты

Проведённое исследование позволило выявить структурно-семантические особенности, функции и культурные трансформации женских демонических персонажей тюркской мифологии. Такие образы, как Жалмауыз кемпір, Албасты, Жезтырнак, Мыстан кемпір и Күлдіргіш, воплощают архетипические модели хтонической силы, медиативности, магии и ритуальной трансгрессии. Они выступают как воплощения зла, хранители сакрального знания и испытатели героев.

Сравнительный анализ подтверждает универсальность этих образов, демонстрируя параллели с персонажами других культур – Бабой Ягой, Ламией, русалками, сиренами,

шаманками и духами природы. Это свидетельствует о существовании устойчивых архетипов, выполняющих ключевые функции в мифологических системах.

Их эволюция проходит три этапа: от шаманских духов-наставниц к амбивалентным героям эпоса и, далее, к демонизированным фигурам, утратившим медиативную функцию в условиях религиозной унификации. Несмотря на это, они сохраняют связь с обрядами перехода и инициацией, символизируя сакральные границы и женскую трансгрессивную силу.

Образы демонстрируют амбивалентность женского начала – сочетание созидательной и разрушительной природы. Они формируют архетипические представления о женской магии, страхе, хаосе и сакральности, влияя на гендерные модели и мифологическое сознание. Их устойчивость подтверждается современной адаптацией в литературе, кино и городском фольклоре.

Таким образом, данные персонажи остаются значимыми элементами фольклорно-мифологического наследия тюркских народов, отражая глубокие архетипы, культурные трансформации и механизмы сакрализации женского начала.

Заключение

Женские демонические персонажи в тюркской мифологии – это не просто элементы фольклорной образности, а устойчивые архетипические конструкции, в которых концентрируются коллективные представления о женской телесности, сакральности, страхе и трансгрессии. Такие фигуры, как Албасты, Жезтырнак и им подобные, охватывают широкий спектр функций – от охранительных и инициационных до наделённых деструктивной и маргинальной символикой. Их архетипическая глубина обусловлена ритуальным происхождением и мифологическим опытом, в рамках которого женское начало сакрализуется как источник жизни, смерти и перехода между мирами.

Современные интерпретации сохраняют актуальность этих образов в фольклоре и массовой культуре. В казахском и кыргызском кино, литературе и городских нарративах образы Албасты и Жезтырнак обретают новые черты, отражая коллективные тревоги, кризисы идентичности и трансформацию гендерных ролей. Эти фигуры выступают своеобразными культурными индикаторами, фиксируя социальные напряжения и переосмысление традиционных представлений о женщине.

Таким образом, женские демонические персонажи представляют собой многослойные архетипы, прошедшие путь от хтонических существ к фольклорным демоницам и далее – к современным символам культурной критики и идентичностной динамики. Их интерпретация с позиций мифологии, семиотики и антропологии позволяет выявить глубинные механизмы сакрализации женского начала и проследить, как эти образы продолжают функционировать в современном тюркском культурном пространстве. В этом контексте они не только сохраняют свою значимость, но и раскрываются как живые, динамичные элементы культурной памяти, способные адаптироваться к новым смыслам и общественным реалиям.

Литература

Абдразаков М.Т., 2022. Хтонические образы в тюркской мифологии: ритуалы, символика и гендерные аспекты. Астана: Евразийский гуманитарный университет. 250 с.

- Абжетов Б., 2002. Мифологические аспекты казахского фольклора: структура и семантика. Алматы: Қазақ университеті. 210 с.
- Айткожин Т.Р., 2021. Мифопоэтические архетипы и их трансформация в казахском фольклоре и литературе. Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва. № 3. С. 65-81.
- Ахметова Г.С., 2021. Трансформация женских мифологических образов в тюркской культуре: фольклорные и этнографические аспекты. Алматы: Изд-во КазНУ. 220 с.
- Ақбузат, 1985. Башқұрт халқының батырлық жыры. Баспаға әзірл. Ф.Х. Нәбиуллин. Алматы: Жазушы. 176 б.
- Бакытжанова А., 2022. Женские персонажи в тюркской мифологии: архетипы и трансформация. Алматы: Ғылым. 214 с.
- Бекмуханов Е., 2022. Казахские эпосы и их связь с шаманскими практиками. Нур-Султан: Академия наук Казахстана. 295 с.
- Жаксылыкова Д.Т., 2023. Демонология в казахском фольклоре: гендерные аспекты и культурная эволюция. Вестник Евразийского национального университета. № 2. С. 56-74.
- Жакып Т., 2022. Генезис хтонических персонажей в эпосе казахов. *Türk Dünyası Araştırmaları*. № 3. С. 71-89.
- Жирмунский В.М., 1979. Сравнительно-историческое изучение тюркского эпоса. Ленинград: Наука. 410 с.
- Журакузиев Н.И., 2021. Модель мироустройства в литературе и фольклоре древних тюркских народов. Бишкек: Академия гуманитарных наук. 350 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. Исследования в области индоевропейской мифологии. Москва: Наука. 456 с.
- Исмагулова Б.К., 2023. Демонологические персонажи в казахском фольклоре: хтонические сущности и их архетипическая природа. Алматы: Қазақ әдебиеті және фольклоры. 290 с.
- Калиева М.С., 2022. Тюркская демонология и женские архетипы в фольклоре: хтонические страхи и медиативные сущности. Филология и мифология. № 4. С. 27-45.
- Катанов Н., 1990. Сравнительный анализ мифологических мотивов. Москва: Наука. 320 с.
- Қазақ халық ертегілері, 1985. Алматы: Жазушы. 300 б.
- Қазақ батырлық жырлары, 2000. Құраст. С. Қасқабасов. Алматы: Жазушы. 280 б.
- Қасқабасов С.А., 2017. Қазақтың халық прозасы. Алматы: Ғылым. 368 б.
- Құламерген – Жоямерген, 1978. Қазақ халық эпостары. Алматы: Ғылым. 220 б.
- Кэмпбелл Дж., 1997. Тысячеликий герой. Москва: София. 384 с.
- Леви-Стросс К., 2001. Структурная антропология. Москва: Эксмо-Пресс. 512 с.
- Мусабекова У.А., 2021. Образ женщины в мифе, фольклоре, тюркской литературе (на материале тюркской культуры). Алматы: Издательство КазНУ. 280 с.
- Наурызбаева З.А., 2008. Мифопоэтика женских образов в тюркской культуре. Алматы: Дайк-пресс. 312 б.
- Пропп В.Я., 2001. Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт. 144 с.
- Пропп В. Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Изд-во ЛГУ. 364 с.
- Пропп В. Я., 1928. Морфология сказки. Ленинград: Academia. 160 с.
- Турсунова Г.А., 2021. Демонические образы в тюркской мифологии. Ташкент: Фан, 192 с.
- Турсунова Л.К., 2021. Символика и архетипы в тюркской мифологии: гендерный и ритуальный контексты. Алматы: Қазақ университеті. 220 с.
- Турсунов К.Н., 2021. Женская сакральность в казахском эпосе. Алматы: КазНПУ. 198 с.
- Хакимзянова Д.Ф., Сабирова Р.Н., 2019. Образы Албасты, Бичура и Убырлы карчык в татарской мифологии: морфология, семантика и ритуальная функция. Казань: Казанский федеральный университет. 180

Юнг К.Г., 2009. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: АСТ. 496 с.

References

Abdrazakov M.T., 2022. Khtonicheskie obrazy v tyurkskoy mifologii: ritualy, simbolika i gendernye aspekty [Chthonic Images in Turkic Mythology: Rituals, Symbolism, and Gender Aspects]. Astana: Evraziyskiy gumanitarnyy universitet. 250 p. [in Russian].

Abzhetov B., 2002. Mifologicheskie aspekty kazakhskogo fol'klora: struktura i semantika [Mythological Aspects of Kazakh Folklore: Structure and Semantics]. Almaty: Qazaq universiteti. 210 p. [in Kazakh].

Aytkozhin T.R., 2021. Mifopoeticheskie arkhetipy i ikh transformatsiya v kazakhskom fol'klоре i literature [Mythopoetic Archetypes and Their Transformation in Kazakh Folklore and Literature]. Vestnik L.N., Gumilyova, No. 3, pp. 65-81. [in Russian].

Akhmetova G.S., 2021. Transformatsiya zhenskikh mifologicheskikh obrazov v tyurkskoy kulture: fol'klornye i etnograficheskie aspekty [Transformation of Female Mythological Images in Turkic Culture: Folklore and Ethnographic Aspects]. Almaty: Izdatel'stvo KazNU. 220 p. [in Russian].

Akbuzat, 1985. Bashqurt khalqynyn batyrlik zhyry/Baspaga ázirlegen F.Kh. Nabiullin [Ak buzat: Heroic Epic of the Bashkir People / Compiled by F.Kh. Nabiullin]. Almaty: Zhazushy. 176 p. [in Kazakh].

Bakytzhanova A., 2022. Zhenskie personazhi v tyurkskoy mifologii: arkhetipy i transformatsiya [Female Characters in Turkic Mythology: Archetypes and Transformation]. Almaty: Gylym. 214 p. [in Kazakh].

Bekmukhanov E., 2022. Kazakhskie eposy i ikh svyaz' s shamanskimi praktikami [Kazakh Epics and Their Connection with Shamanic Practices]. Nur-Sultan: Akademiya nauk Kazakhstana. 295 p. [in Russian].

Zhaksilykova D.T., 2023. Demonologiya v kazakhskom fol'klоре: gendernye aspekty i kul'turnaya evolyutsiya [Demonology in Kazakh Folklore: Gender Aspects and Cultural Evolution]. Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta, No. 2, pp. 56-74. [in Kazakh].

Zhakyp T., 2022. Genezis khtonicheskikh personazhey v epose kazakhov [Genesis of Chthonic Characters in Kazakh Epics]. Türk Dünyası Araştırmaları, No. 3, pp. 71-89. [in Kazakh].

Zhirminsky V.M., 1979. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie tyurkskogo eposa [Comparative-Historical Study of Turkic Epics]. Leningrad: Nauka. 410 p. [in Russian].

Zhurakuziev N.I., 2021. Model' miroustroystva v literature i fol'klоре drevnikh tyurkskikh narodov [The Model of the World Order in the Literature and Folklore of Ancient Turkic Peoples]. Bishkek: Akademiya gumanitarnykh nauk. 350 p. [in Russian].

Ivanov V.V., Toporov V.N., 1974. Issledovaniya v oblasti indoevropeyskoy mifologii [Studies in Indo-European Mythology]. Moscow: Nauka. 456 p. [in Russian].

Ismagulova B.K. 2023. Demonologicheskie personazhi v kazakhskom fol'klоре: khtonicheskie sushchnosti i ikh arkhetipicheskaya priroda [Demonological Characters in Kazakh Folklore: Chthonic Entities and Their Archetypal Nature]. Almaty: Qazaq adebiyeti zhane fol'klory. 290 p. [in Kazakh].

Kaliyeva M.S., 2022. Tyurkskaya demonologiya i zhenskie arkhetipy v fol'klоре: khtonicheskie strakhi i mediativnye sushchnosti [Turkic Demonology and Female Archetypes

in Folklore: Chthonic Fears and Mediative Entities]. *Nauchnyy zhurnal "Filologiya i mifologiya"*, No. 4, pp. 27-45. [in Russian].

Katanov N. 1990. *Sravnitel'nyy analiz mifologicheskikh motivov* [Comparative Analysis of Mythological Motifs]. Moscow: Nauka. 320 p. [in Russian].

Qazaq khalyq ertegilery, 1985. [Kazakh Folk Tales]. Almaty: Zhazushy. 300 p. [in Kazakh].

Qazaq batyrlyk zhyrlary, 2000. Qurast. S. Qasqabasov [Kazakh Heroic Epics. Comp. by S. Qasqabasov]. Almaty: Zhazushy. 280 p. [in Kazakh].

Qasqabasov S.A., 2017. *Qazaqtyn khalyq prozasy* [Kazakh Folk Prose]. Almaty: Gylym. 368 p. [in Kazakh].

Qulamergen – Zhoiamergen, 1978. *Qazaq khalyq epostary* [Qulamergen — Zhoiamergen: Kazakh Folk Epics]. Almaty: Gylym. 220 p. [in Kazakh].

Kempbell J., 1997. *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Moscow: Sofiya. 384 p. [in English].

Levi-Strauss C., 2001. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Eksmo-Press. 512 p. [in Russian].

Musabekova U.A., 2021. *Obraz zhenshchiny v mife, fol'klore, tyurkskoy literature (na materiale tyurkskoy kul'tury)* [The Image of Woman in Myth, Folklore, and Turkic Literature (Based on Turkic Cultural Material)]. Almaty: KazNU Publishing. 280 p. [in Russian].

Nauryzbayeva Z.A., 2008. *Mifopoetika zhenskikh obrazov v tyurkskoy kulture* [Mythopoeitics of Female Images in Turkic Culture]. Almaty: Daik-press. 312 p. [in Kazakh].

Propp V.Ya., 2001. *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint. 144 p. [in Russian].

Propp V.Ya., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. 364 p. [in Russian].

Propp V.Ya., 1928. *Morfologiya skazki* [Morphology of the Tale]. Leningrad: Academia. 160 p. [in Russian].

Tursunova G.A., 2021. *Demonicheskie obrazy v tyurkskoy mifologii* [Demonic Images in Turkic Mythology]. Tashkent: Fan. 192 p. [in Russian].

Tursunova L.K., 2021. *Simvolika i arkhetypy v tyurkskoy mifologii: gendernyy i ritual'nyy konteksty* [Symbols and Archetypes in Turkic Mythology: Gender and Ritual Contexts]. Almaty: Qazaq universiteti. 220 p. [in Russian].

Tursunov K.N., 2021. *Zhenskaya sakral'nost' v kazakhskom epose* [Female Sacredness in Kazakh Epic]. Almaty: KazNPU. 198 p. [in Russian].

Khakimzyanova D.F., Sabirova R.N., 2019. *Obrazy Albasty, Bichura i Ubyrly karchyk v tatarskoy mifologii: morfologiya, semantika i ritual'naya funktsiya* [Images of Albasty, Bichura and Ubyrly Karchyk in Tatar Mythology: Morphology, Semantics and Ritual Function]. Kazan: Kazan Federal University. 180 p. [in Russian].

Jung C.G., 2009. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow: AST. 496 p. [in Russian].

Сведения об авторах:

Нурбаева Аида Мухтаровна, PhD, и.о. ассоциированного профессора, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, г. Алматы, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1653-0383>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56646603500>

Жетибай Рақымберді Қажығалиұлы, PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1582-9973>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=58635615600>

Оспанов Еділбай Тлеужанович, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2253-134X>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56776603500>

Найманбаев Алмас Абдыманапович, PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1732-8830>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=572977866778>

Авторлар туралы мәлімет:

Нурбаева Аида Мухтарқызы, PhD, қауымдастырылған профессордың міндетін атқарушы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Достық даңғылы, 13, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы.

ORCID: 0000-0003-1653-0383

Scopus ID: 56646603500

Жетибай Рақымберді Қажығалиұлы, PhD, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Достық даңғылы, 13, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы.

ORCID: 0000-0003-1582-9973

Scopus ID: 58635615600

Оспанов Еділбай Тлеужанұлы, филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Достық даңғылы, 13, Алматы, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2253-134X>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56776603500>

Найманбаев Алмас Абдыманапович, PhD, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің аға оқытушысы, Достық даңғылы, 13, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1732-8830>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=572977866778>

Information about authors:

Nurbayeva Aida Mukhtarovna, PhD, Acting Associate Professor of Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Aven., Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-1653-0383

Scopus ID: 56646603500

Zhetibay Rakhymberdi Khazhyghaliuly, PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Aven., Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-1582-9973

Scopus ID: 58635615600

Ospanov Edilbay Tleuzhanovich, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Aven., Almaty, Republic of Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2253-134X>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56776603500>

Naimanbayev Almas Abdimanapovich, PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Aven., Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1732-8830>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=572977866778>